

И.А. ИНШАКОВ*

**СООТНОШЕНИЕ НАУЧНЫХ
И УТОПИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ
КАРЛА МАРКСА**

Аннотация. Известно, что Карл Маркс отличал свою теорию и от строгой «науки», и от «утопизма», присущего его предшественникам. Парадоксальным образом именно эти два элемента конституируют мышление самого Маркса, находясь друг с другом в сложном взаимодействии, специфику которого призвана раскрыть данная статья. С этой целью автор дистанцируется от классических политико-философских дебатов об отношениях Маркса и критикуемых им «социалистов-утопистов». Вместо этого предлагается рассмотрение подхода Маркса как «исследовательской программы» (Имре Лакатос), «когнитивной утопии» (Питер Лассман) и «функциональной утопии» (Карл Мангейм). На основе данного анализа кратко прослеживаются характерные особенности в развитии «советского» и «западного» марксизма. В заключение предлагается дальнейшее направление анализа Маркса через изучение третьего – теологического – компонента его мышления.

Ключевые слова: утопия; идеология; Карл Маркс; марксизм; социология науки.

Для цитирования: Иншаков И.А. Соотношение научных и утопических элементов в политическом мышлении Карла Маркса // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 213–229. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.10>

* **Иншаков Илья Александрович**, старший преподаватель Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: iinshakov@hse.ru

© Иншаков И.А., 2023

DOI: 10.31249/poln/2023.03.10

К постановке проблемы

Пафос интеллектуального проекта Карла Маркса – и того влияния, которое этот проект оказал и на социальную теорию, и на реальную политику ряда государств на протяжении последних полутора столетий – в гипертрофированном, но оттого наиболее отчетливом виде выражен в знаменитой формуле Ленина: *Учение Маркса всесильно, потому что оно верно* [Ленин, 1973, с. 43]. Действительно, Маркс претендует, хотя и с некоторыми оговорками, о которых пойдет речь ниже, на принципиально новый уровень достоверности своего анализа, а его сторонники – на безусловность политических выводов, основанных на столь серьезном фундаменте. Эта принципиальная новизна своим источником имеет среди прочего противопоставленность подхода Маркса всему, что было написано до него в области философии, экономической теории и теории политики. Это противопоставление необходимо, поскольку предшествующие подходы не просто содержат в себе изъяны или фактические неточности, требующие работы по исправлению, – сама их концептуальная логика оказывается заложницей классовой структуры, исторического праксиса, искажающего восприятие наблюдателя и производящего иллюзии о себе самом [Маркс, Энгельс, 1955 а; Баллаев, 1998]. В частности, широко известен упрек, который Маркс и Энгельс бросают своим предшественникам, выстраивая генеалогию социалистических идей в третьей части «Манифеста Коммунистической партии» [Маркс, Энгельс, 1955 b, с. 448–457]: основоположники марксизма дезавуируют политико-философское мышление Анри Сен-Симона, Роберта Оуэна и Шарля Фурье, атрибутируя ему характеристику *утопического* и противопоставляя ему собственный подход (впоследствии объявленный Энгельсом *научным* [Энгельс, 1961 а]).

Однако это различие оказывается проблематизированным, как только мы вспоминаем о политических целях марксистского проекта (*Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его* [Маркс, 1955 b, с. 4]). Претензия на переустройство мира, исходя из заданной ценностной перспективы (эмансипация рабочего, преодоление классового господства и отчуждения труда и т.д.), попытка увидеть не столько реальные социальные отношения *per se*, сколько

скрывающуюся в них возможность их радикальной трансформации – подобные признаки более характерны для идеологии; или, в терминах Карла Мангейма, для утопии, т.е. функционального инварианта идеологии, установки, нацеленной не на легитимацию, а на «подрыв» социального статус-кво [Мангейм, 1994, с. 164–179]. С другой стороны, для Маркса или других социалистов сама практика оказывается критерием проверки истинности теории [Кумар, 1992], а утопизм проявляется не только в «активистских» призывах к действию, но и в эвристических допущениях [Lassman, 2003]¹. Таким образом, проблема заключается не в требовании строгой дизъюнкции между «научным» и «утопическим» в политическом мышлении Маркса, но, напротив, в неоднозначности соотношения и взаимной обусловленности этих двух начал. Вопрос остается тем более актуальным, что современный марксизм – в разных его версиях – сохраняет претензию на статус *и* научного знания об обществе, *и* социальной программы с потенциалом политической мобилизации (см: [Freeden, Stears, 2013, ch. 2, 20]).

Соответственно, проблема, поставленная в связи с политическим мышлением Маркса, не может быть рассмотрена в изоляции от тех интеллектуальных и политических последствий, к которым она приводит. В связи с этим в данном тексте я не намерен пересказывать аргументы, касающиеся только отношения Маркса к утопии *per se* [Fischbach, 2017] или его сравнения с критикуемыми им социалистами-предшественниками [Oizerman, 2001]. Вместо этого с опорой на социологию науки в версии теории исследовательских программ Имре Лакатоса [Лакатос, 1995] будут проанализированы несколько симптоматичных приемов, используемых Марксом для позиционирования своей теории и «творчески» воспринятых его последователями. Исходя из этого, в первой части

¹ Аргумент Лассмана состоит в следующем: из факта созданности социального мира самими людьми Маркс выводит надежду на его повышенную интеллигибельность (по сравнению с миром природы), а значит, *возможность* социальной науки; *необходимость* же существования такой науки объясняется от обратного – в ее отсутствие мир становится для человека непрозрачным, окруженным классовым иллюзиями, которые, в свою очередь, также обязаны своим существованием факту социального конструирования реальности самими людьми. Таким образом, то, что делает науку о человеческом мире возможной, прямо противоречит тому, что делает ее необходимой, и наоборот; иными словами, теория Маркса – это *когнитивная утопия*.

статьи будут описаны особенности теории Маркса как исследовательской программы, борющейся за «выживание» в разных политических контекстах «советского» и «западного» марксизмов. Во второй части статьи будут зафиксированы утопические коннотации мышления Маркса и их связь с научными элементами на когнитивном и социологическом уровнях, исходя из функционалистского понимания утопии как установки на «подрыв» статус-кво [Мангейм, 1994]. В заключительной части будут суммированы выводы и намечены пути к дальнейшей разработке проблемы.

Наука: от марксизма к Марксу и обратно

В контексте наследия советского опыта «единственно верного учения» – марксизма-ленинизма – первым делом следует подчеркнуть, что в случае самого Маркса *научность* его мышления должна быть понята более тонким образом. Маркс далек от догматики, и свой анализ представляет в первую очередь не как законченную позитивную теорию, но как *критику* – политической экономики, идеалистической философии, буржуазного права и т.д. Более того, развивая критику идеологии, Маркс достаточно осторожно определяет свою позицию – не как идеологическую (что понятно, исходя из политических соображений), но и не как полностью совпадающую с наукой, поскольку единственной социальной наукой является *история* [Маркс, Энгельс, 1955 а, с. 16]. В таком случае описание настоящего в научных терминах может быть понято только как приложение *законов истории*, т.е. законов «*практического процесса развития людей*» [Маркс, Энгельс, 1955 а, с. 26] к конкретному моменту настоящего времени. Таким образом, уже здесь возможно заметить, что критерий демаркации научного знания, вводимый Марксом, логически подразумевает наличие некоторой метафизической, не выводимой напрямую из эмпирического материала, сущности¹ в виде исторических законов.

В то же время, как подчеркивает Реймонд Уильямс, существует важная разница между двумя пониманиями идеи детерминации сознания бытием (или, в более узком социологическом плане,

¹ О противостоянии Марксовой концепции эмпиристскому подходу к истории как к «собранию мертвых фактов» см.: [Баллаев, 1998, с. 69].

надстройки базисом) [Уильямс, 2012]. По мнению Уильямса, понимание детерминации как автоматической, фаталистской зависимости имеет идеалистические и теологические корни и является нерелевантным для марксистского анализа, ставящего в центр внимания практическую деятельность людей. С данной точки зрения *определение*¹ надстройки базисом означает, что последний лишь налагает ограничения на вектор дальнейшего развития при сохранении возможных вариаций; кроме того, базис и надстройка связаны скорее не каузально, а отношениями аналогии и медиации, не говоря уже о временном лаге между изменениями в базисе и соответствующими трансформациями в надстройке.

Иллюстрацией в поддержку тезисов Уильямса может служить симптоматичная оговорка, появляющаяся в текстах позднего Энгельса, о том, что экономические отношения производства и воспроизводства лишь *в конечном счете* являются определяющими в развитии истории, но не могут рассматриваться как единственная и автоматическая движущая сила [Энгельс, 1965 b, с. 394 ; Энгельс, 1966, с. 175]. Аналогичным образом в знаменитом письме Вере Засулич на ее вопрос о судьбе русской общины Маркс отвечает, что выведенная им *историческая неизбежность* экспроприации земледельцев как основы перехода к капиталистическому способу производства, на самом деле, *точно ограничена странами Западной Европы* [Маркс, 1961 а, с. 250].

С точки зрения социологии науки подобные уточнения суть ни что иное, как формирование набора так называемых предохранительных гипотез. Согласно подходу Имре Лакатоса [Лакатос, 1995], любая исследовательская программа, т.е. непрерывная последовательность связанных теорий (в качестве которой может быть рассмотрен марксизм), состоит из *жесткого ядра* принципиальных допущений, не подвергаемых сомнению внутри самой программы, и *предохранительного пояса* вспомогательных гипотез, защищающих основные положения программы от угрозы со стороны накопления противоречащих ей фактов. Условием для выживания исследовательской программы в конкуренции с другими программами является увеличение объема описываемых ею

¹ Именно термином «определять» (нем. *bestimmen*), а не «детерминировать» (английский перевод *determinate*) пользуется сам Маркс (см.: [Уильямс, 2012, с 137]).

фактов (объяснение может либо предвосхищать появление новых фактов, либо объяснять их *post hoc* с помощью добавления новых уточнений – пресловутых предохранительных гипотез). Нечто подобное, комментируя Маркса, отмечает и Йозеф Шумпетер: *Факты подобного рода [не описываемые теорией Маркса напрямую. – И. И.], несомненно, можно включить в общую теорию с помощью вспомогательных гипотез, однако необходимость включения подобных гипотез обычно означает начало конца самой теории. Многие другие трудности, возникающие при попытках исторической интерпретации на основе Марксовой схемы, могут быть преодолены, если признать некоторую степень взаимодействия между сферой производства и прочими сферами общественной жизни. Однако чары, окружающие фундаментальную истину, зависят как раз от точности и простоты утверждаемого ею одностороннего отношения. Если же оно ставится под вопрос, то экономическая интерпретация истории должна будет занять свое место среди прочих теорий такого же рода – в качестве одной из многих частичных истин – или уступить дорогу другой, способной возвестить более фундаментальную истину* [Шумпетер, 2008, с. 386].

Из этой перспективы классическое разделение между «советским» и «западным» марксизмом обретает не только политическое, но и эвристическое измерение. С одной стороны, исследовательская программа марксизма движется в сторону расширения объема описываемых фактов – в первую очередь, на уровне *диалектического* материализма Энгельса, распространившего категории *исторического* материализма Маркса на описание не только общества, но и природы [Энгельс, 1961 b]. Именно эта тенденция главным образом находит свое воплощение в опыте советского марксизма, который благодаря специфической констелляции политических условий смог окончательно закрепить свое «учение» в ранге всеобъемлющей, универсально истинной научной системы, а затем и официальной государственной идеологии¹. В этот момент связь между исследовательской программой и миром начинает работать в обратную сторону: теория действительно объясняет факты опережающим образом, но не столько в силу внутренней консистентности своих «ядерных» положений, сколько в силу

¹ Конституция СССР. 1977. Ст. 6.

того, что предпринимаются попытки выстроить реальность *в соответствии с теорией*.

С другой стороны, западный марксизм, развиваясь в совершенном ином политическом и экономическом контексте капиталистических либеральных демократий, во-первых, воочию сталкивается с изменениями в окружающей его социальной реальности, а во-вторых, не может позволить себе игнорировать их и авторитарным образом утвердить, что «учение Маркса верно, *потому что оно (политически) всеильно*». Исходя из этого, западная традиция становится воплощением второй тенденции в исследовательской программе марксизма. Она идет по пути радикального расширения пояса «предохранительных гипотез»¹ – вводя концепты культурной гегемонии, бесклассового общества, мир-системы – вплоть до столкновения с классической проблемой «корабля Тесея» (см. разворачивание этой метафоры в: [Родионова, Смирнов, 2022]), когда сами нео- / постмарксистские теоретики вынуждены поставить вопрос о том, есть ли еще что-то общее между современным марксизмом и Марксом [Жижек, 2002]. Подлинно проблемное звучание данный вопрос приобретает, когда речь идет об эмансипирующем потенциале марксизма, о реартикуляции его гуманистических интуиций на фоне доминирования структуралистских подходов в критической теории в последние десятилетия [McCarthy, 2012] и общей «меланхолии левых» [Traverso, 2016], будто бы готовых признать историческую финальность капитализма. Именно поворот к «чистой» академической критике в рамках Франкфуртской школы рассматривается рядом авторов как симптом кризиса всей западной марксистской традиции [Андерсон, 2016 ; Стюарт, 2018]. Существование этих дискуссий заставляет нас обратить внимание

¹ Это не значит, что советский марксизм как исследовательская программа не прибегает к этому способу – достаточно вспомнить концепции «слабого звена империализма» Ленина или «усиления классово-борьбы» Сталина. Однако в политических условиях СССР уровень «риска» для программы марксизма в связи с наличием не интерпретируемых ею фактов принципиально ниже в силу отсутствия равнозначных «конкурентов». Поэтому, если западный марксизм вынужден «защищаться», то советский может позволить себе перейти в концептуальное «наступление» на мир и в полном смысле реализовать идею афоризма, необоснованно приписываемого Гегелю: «Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов».

на вторую сторону мышления Маркса, от которой сам он всегда стремился дистанцироваться, – утопичность.

Утопия: стратегия работы с текстом и социальная функция

Общим местом является тот факт, что политически Маркс (особенно в ранние годы) опирается на традицию французского социализма, экономически – на английскую политэкономия и, наконец, философски – на немецкую классическую философию в лице Георга Гегеля. Столь же общеизвестной является трактовка последней из упомянутых связей через призму, заданную Марксом в его знаменитой формуле: «У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [Маркс, 1961 b, с. 9]. В этой метафоре «переворачивания» предполагается, что замена «духа» на «природу» (или, в иных аспектах, на «капитал») на уровне онтологии гегелевской диалектики позволяет, наконец, получить абсолютно истинную (материалистическую) картину мира за счет *правильного* использования диалектического метода, ведь как таковой он является в высшей степени точным инструментом. Обратим внимание, что Марксова стратегия работы с Гегелем сама по себе глубоко метафизична: в том, что *уже* признается (Марксом же) мистическим и метафизичным, требуется отыскать некоторое еще более глубинное, еще более замаскированное и таящее некие сакральные секреты об устройстве реальности «зерно» – причем таким образом, чтобы как раз уйти от этой гегелевской метафизики. Таким образом, еще не в социологическом, но в когнитивном смысле (по аналогии с тем, как говорит об этом Питер Лассман в аргументе, представленном выше) можно полагать такую стратегию утопичной. Не случайно Мишель Фуко с постструктуралистских позиций критикует Маркса за то же, что и у Гегеля, интенцию выявления якобы наличествующего, но скрытого «внутреннего смысла» всех социальных феноменов, дедуктивного объяснения элементов системы, исходя из ее общего универсального «кода» (см.: [Olssen, 2004]).

Далее важно то, что если подобные онтологические спекуляции «переставления-с-головы-на-ноги» относительно легко

осуществимы в отношении мира так называемых «естественных» фактов (что позволяет Энгельсу развивать диалектический материализм как учение об устройстве природы), то в плоскости социальных отношений подход Гегеля оказывается куда менее подверженным трансформации, и Марксу приходится воспринимать его концептуальную логику при несогласии с гегелевскими политическими выводами. Речь идет о знаменитой гегельянской диалектике раба и господина: первоначально раб уступает господину право господствовать над собой, не в силах побороть страх смерти, но затем сам становится источником преобразования себя и окружающего мира, пока в высшей точке этого процесса не свергает и не заменяет господина, лишённого возможности развития. Де-факто Маркс историзует философскую концепцию Гегеля, помещая противостояние раба и господина в формат классовой борьбы и смены соответствующих общественно-экономических формаций под влиянием *ненаблюдаемой, но объективно действующей силы* в форме исторических законов.

Таким образом, восприятие истории Марксом проникнуто гегельянской телеологией и содержит предпосылку о существовании некоторой метафизической инстанции – если не столь же «субъектной», как Абсолютный дух Гегеля или Бог в ортодоксальном христианстве, то, по крайней мере, столь же абстрактной, как «невидимая рука» рынка Адама Смита. Более того, концепция Маркса включает и одну из наиболее спорных с гуманистической точки зрения интуиций Гегеля – идею о «хитрости мирового разума», согласно которой логика мировой истории прокладывает себе путь, используя страсти и частные интересы индивидов, в то время как последние *приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидуумов* [Гегель, 2000, с. 84]; так *всевозможные жертвы на обширном алтаре земли* в конечном итоге служат единой цели истории – раскрытию свободы [там же, с. 72]. Аналогичным образом у Маркса – особенно в работах раннего, «гегелевского» периода – постоянно встречается мысль о том, что именно максимальное обострение классовой борьбы [Маркс, Энгельс, 1955 b], достижение крайнего предела угнетения пролетариата [Маркс, 1955 a] способны привести к последней, самой радикальной эмансипирующей революции человечества (см. также: [Balibar, 2007]).

Политическим следствием Марксовой теории становится ее мобилизационный потенциал, основанный на убеждении в том, что она корректно описывает современную действительность как несправедливую и требующую преодоления, а также способна к разработке механизмов этого преодоления (см. уже цитированный выше 11-й тезис о Фейербахе: дело заключается в том, чтобы *изменить* мир). В таком случае политическое мышление Маркса оказывается по определению утопическим – в социологическом, функциональном понимании этого термина, как его развивает Карл Мангейм: утопия – это внешняя по отношению к наличной реальности ситуация, которая, *переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей* [Мангейм, 1994, с. 164]. С функциональной точки зрения [Мангейм, 1994, с. 167–170] становится неважным конкретное смысловое наполнение утопии, равно как и то, что это наполнение выводится путем «строгого социального анализа» окружающей действительности взамен отстраненного философствования; наконец, не важны эксплицитные упреки носителя утопического мышления по отношению к другим «утопистам» (см. атаку на представителей «критически-утопического социализма» в: [Маркс, Энгельс, 1955 б, с. 455–457]).

В защиту Маркса следует отметить, что он не делает заключительного шага в этом направлении, который порой приписывается ему его либеральными критиками [Поппер, 1992]: воспринимая, в целом, телеологическую логику истории, он не пытается описать конечный пункт этого движения. «Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм *не есть цель человеческого развития*» [Маркс, 1961 с, с. 115] (курсив мой. – *И. И.*); сама история начнется только после уничтожения классового господства, и потому она принципиально непредсказуема из перспективы сегодняшнего «доисторического» момента. Этот ход позволяет Марксу избежать характерной для телеологической установки ошибки – соблазна объявить произвольно выбранный период «концом истории» (эту ошибку совершает Гегель, и ее же воспроизводит в форме самого известного в политической науке несбывшегося прогноза Фрэнсис Фукуяма [Fukuyama, 1989]). Отчасти это отрицание фиксированного, априори известного идеала уже закладывает основы для «негативной диалектики» Теодора Адорно – признания того, что

диалектика как конфликт *не может иметь окончательного решения*, что тезис и антитезис не снимаются в гармоничном синтезе, но порождают новое отрицание [Адорно, 2003].

Действительно, представители Франкфуртской школы вынуждены переосмысливать Маркса вовсе не из-за якобы данного им детального описания коммунистического «рая на земле». В утопической мобилизационной триаде «описание существующей действительности (А) – описание нормативно желаемого образа действительности (В) – описание механизмов перехода из состояния А в состояние В» их гораздо больше тревожит третий пункт. В этом пункте *парадоксальным образом смыкаются научное и утопическое мышление Маркса*: научный уровень анализа становится залогом гарантированного достижения утопического идеала в будущем, ведь теперь этот анализ выражает не субъективные гуманистические чаяния авторов, а объективный и неизбежный ход развития истории.

Подобное смешение имеет, с точки зрения критических теоретиков, далеко идущие последствия [Хоркхаймер, Адорно, 1997]. Диктат разума, свойственный эпохе Просвещения, в их глазах оказывается ответственным за политические катастрофы XX в., и в первую очередь за конститутивный для европейского сознания опыт Второй мировой войны и Холокоста – и нет оснований не видеть те же рационализаторские коннотации в подходе Маркса, в этом аспекте целиком воспринявшего культ разума Просвещения [see Olssen, 2004]. Иными словами, *утопическими* (уже в собственно марковом, негативном смысле слова) оказываются попытки Маркса полностью переосмыслить наследие новоевропейской философии. В таком случае движение в сторону подлинного материализма *только начинается, а не заканчивается* Марксом¹.

¹ С этой точки зрения следующими шагами в развитии материалистической установки можно считать целую плеяду исследовательских подходов XX в., которые гораздо более радикально переносят фокус внимания на материальную сторону социальных явлений – от анализа дисциплинарной власти Фуко и теории пространства Бурдьё до теории фреймов Гоффмана и объектно-ориентированной онтологии.

Теология: продолжающаяся археология мышления

В данной статье было продемонстрировано, что мышление Маркса как социального и политического теоретика содержит в себе *как* научные, *так и* утопические компоненты. Более того, оппозиция между научным и утопическим мышлением, заявляемая Марксом и Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии», не свойственна для самого Маркса. Если в его случае научный анализ и выступает «противодействующей силой» по отношению к утопическому мышлению, то только в подлинно архитектурном смысле, где *контрфорс* служит для укрепления основной несущей конструкции. Синтез этих двух начал ясно заметен в плоскости политических импликаций ортодоксального марксизма: де-факто речь идет об историзации гегелевской философской диалектики раба и господина методами «научного анализа», с соответствующим элементом политической мобилизации. Но точно так же этот синтез оказывает влияние и на марксизм как научный подход: в условиях СССР, где марксизм-ленинизм становится *победившей утопией* (или, в терминах Карла Мангейма, *идеологией*), его исследовательская программа развивается совсем иным способом, нежели в странах обобщенного «Запада», где неомарксисты вынуждены идти по пути широкой ревизии Маркса – вплоть до отказа от пресловутых «подрывных» утопических установок и сознательного перехода к чисто академической работе.

В то же время анализ мышления Маркса не может быть ограничен только этими двумя аспектами. Последовательная постановка вопросов об утопических предпосылках политического мышления приводит нас к первоисточнику этих установок в европейской философии – христианскому теологическому мышлению. Так, Карл Мангейм в своем анализе идеологий показывает, как раннее утопическое мышление в Европе черпает свои истоки в *оргастическом хиллизме* анабаптистов [Мангейм, 1994, с. 161–166]. Аналогичным образом существуют утверждения о рецепции самим Марксом доктрины немецких пиетистов, в том числе в вопросах приоритета практики перед учением и права на сопротивление властям [Крылов, 2012]. В зафиксированном выше марксистском осмыслении хода мировой истории через негативность, ожидание перехода к коммунизму через абсолютную нищету и отчуждение угнетенных, через финальное обострение классовых

противоречий и «последнюю революцию» отчетливо проявляется эсхатологический мотив, свойственный многим религиям – ожидание конца света либо в форме мессианского искупления и Страшного суда над грешниками и праведниками, либо в форме финальной битвы добра со злом. Наконец, уже после Маркса напрямую артикулируются идеи о возможности совмещения социальных и методологических импликаций его подхода с этическими и даже метафизическими основами христианского учения, известные как *теология освобождения* (см.: [Gutierrez, 1988]).

Как и в случае с отношениями науки и утопии, указание на присутствие третьего компонента не обесценивает наличие первых двух, но позволяет лучше понять их функцию и значение в мышлении Маркса, а также исходящие из этого интеллектуальные и социальные последствия, особенно в эпоху «постсекулярного поворота» [Узланер, 2020] в XXI в. Если Маркс стремился избежать догматизма завершеного учения с однозначными выводами (см. его знаменитое *Я не марксист* [Энгельс, 1965 а, с. 370]), то тем более этого догматизма следует избегать тем, кто стремится прояснить логическую структуру Марксова мышления.

I.A. Inshakov*
**Interrelation of Scientific and Utopian Elements
in the Political Thinking of Karl Marx**

Abstract. It is well known that Karl Marx distinguished his theory from both pure «science» and from the «utopianism» inherent in his predecessors. Paradoxically, these two elements constitute the thinking of Marx himself, being with each other in a complex interaction, the specifics of which this article is intended to reveal. To this end, the author distances himself from the classical political-philosophical debate about the relationship between Marx and the «utopian socialists» criticized by Marx. Instead, it is proposed to consider Marx's approach as a «research program» (Imre Lakatos), a «cognitive utopia» (Peter Lassman) and a «functional utopia» (Karl Mannheim). Basing on this analysis, features in the development of «Soviet» and «Western» Marxism are briefly traced. In conclusion, a further direction of Marx's analysis is proposed through the study of the third – theological – component of his thinking.

Keywords: Utopia; ideology; Karl Marx; Marxism; sociology of science.

* Inshakov Ilya, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: iinshakov@hse.ru

For citation: Inshakov I.A. Interrelation of Scientific and Utopian Elements in the Political Thinking of Karl Marx. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 213–229. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.10>

References

- Adorno T. *Negative Dialectics*. Moscow: Scientific World, 2003. 374 p. (In Russ.)
- Anderson P. *Considerations on Western Marxism*. Moscow: Commom place, 2016, 350 p. (In Russ.)
- Ballaev A.B. The problem of ideology in the work of Karl Marx. *History of philosophy*. 1998, Vol. 3, P. 55–75. (In Russ.)
- Balibar E. *The Philosophy of Marx*. London, New York: Verco, 2007, 139 p.
- Engels F. Socialism: utopian and scientific. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961 a, Vol. 19, P. 185–230. (In Russ.)
- Engels F. Dialectics of Nature. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961 b, Vol. 20, P. 339–626. (In Russ.)
- Engels F. To Conrad Schmidt. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1965 a, Vol. 37, P. 369–372. (In Russ.)
- Engels F. To Joseph Bloch. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1965 b, Vol. 37, P. 393–397. (In Russ.)
- Engels F. To W. Borgius. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1966, Vol. 39, P. 174–177. (In Russ.)
- Fischbach F. Marx and Utopia. In: Chrostowska S.D., Ingram J.D. (eds.) *Political uses of utopia: new marxist, anarchist, and radical democratic perspectives*. New York: Columbia university press, 2017, P. 162–171.
- Freeden M. Stears M. (eds). *The Oxford Handbook of Political Ideologies*. Oxford: Oxford university press, 2013, 752 p.
- Fukuyama F. The End of History? *The national interest*. 1989, Vol. 16, P. 173–189.
- Gutierrez G. *A theology of liberation: History, politics and salvation*. New York: Orbis, 1988, 264 p.
- Hegel G.W.F. *Lectures on the philosophy of history*. Saint Petersburg: Nauka, 2000. 480 p. (In Russ.)
- Horkheimer M., Adorno T. Dialectic of enlightenment. Moscow, Saint Petersburg: Medium, Uwenta, 1997, 312 p. (In Russ.)
- Krylov P.V. «Liberation theology» and the views of its representatives on the concept of world history. *Religion. Church. Society*. 2012, Vol. 1, P. 151–178. (In Russ.)
- Kumar K. Marxism and Utopia. *Social sciences and contemporary world*. 1992, N 3, P. 125–135. (In Russ.)

- Lakatos J. *Falsification and the methodology of scientific research programmes*. Moscow: «Medium», 1995, 236 p. (In Russ.)
- Lassman P. Political theory as utopia. *History of the human science*. 2003, Vol. 16, N 1, P. 49–62.
- Lenin V.I. The three sources and three component parts of marxism. In: Lenin V.I. (eds). *Works. Fifth edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1973, Vol. 23, P. 40–48. (In Russ.)
- Mannheim K. Ideology and utopia. In: Mannheim K. (ed.). *Diagnosis of our time*. Moscow: Jurist, 1994, P. 7–411. (In Russ.)
- Marx K. Critique of Hegel's philosophy of right. Introduction. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955 a, Vol. 1, P. 414–429. (In Russ.)
- Marx K. Theses on Feuerbach. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955 b, Vol. 3, P. 1–4. (In Russ.)
- Marx K. The Replay to Zasulich. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961 a, Vol. 19, P. 250–251. (In Russ.)
- Marx K. Capital. Volume I. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961 b, Vol. 23. (In Russ.)
- Marx K. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961 c, Vol. 42, P. 41–174. (In Russ.)
- Marx K, Engels F. The German Ideology. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955 a, Vol. 3, P. 7–544. (In Russ.)
- Marx K, Engels F. Manifesto of the Communist Party. In: Marx K., Engels F. (eds). *Works. Second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955 b, Vol. 4, P. 419–459. (In Russ.)
- McCarthy C. Review on «Utopianism and Marxism» by Vincent Geoghegan. *Utopian studies*. 2012, Vol. 23, N 2, P. 543–546.
- Oizerman T. Marxism and utopianism. *Russian studies in philosophy*. 2001, Vol. 39, N 4, P. 54–79.
- Olssen M. Foucault and marxism: rewriting the theory of historical materialism. *Policy futures in education*. 2004, Vol. 2, N 3–4, P. 454–482.
- Popper K. *The Open society and its enemies. Vol. 2*. Moscow: Phoenix, International Fund «Kul'turnaia initsiativa», 1992, 528 p. (In Russ.)
- Rodionova M.M., Smirnov N.M. The Ship of Theseus: Transformations of the Concept of Violence in Political and Social Theory. *Politeia*. 2022, № 3 (106), P. 6–27. (In Russ.)
- Schumpeter J. Capitalism, socialism and democracy. In: Schumpeter J. (ed.). *The theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy*. Moscow: Eksmo, 2008, P. 361–824. (In Russ.)

- Stuart J. *Grand hotel abyss. The lives of the Frankfurt school*. Moscow: Ad Marginem, 2018, 448 p. (In Russ.)
- Traverso E. *Left-Wing Melancholia*. New York: Columbia university press, 2016, 320 p.
- Uzlaner D. *Post-secular Turn. How to Think about Religion in the 21 st Century*. Moscow: Gaidar Institute Press, 2020, 416 p. (In Russ.)
- Williams R. Base and Superstructure in Marxist Cultural Theory. *Logos*. 2021, N 1 (85), P. 136–156. (In Russ.)
- Žižek S. Can lenin tell us about freedom today? *Logos*. Archive, 2002. Mode of access: https://ruthenia.ru/logos/kofir/2002/2002_09.htm (accessed: 06.05.2023). (In Russ.)

Литература на русском языке

- Адорно Т.* Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
- Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. – М.: Common place, 2016. – 350 с.
- Баллаев А.Б.* Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса // *История философии*. – 1998. – Вып. 3. – С. 55–75.
- Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 2000. – 480 с.
- Жижек С.* Что может сказать нам Ленин о свободе сегодня? // *Логос. Портфель*. – 2002. – Режим доступа: https://ruthenia.ru/logos/kofir/2002/2002_09.htm (дата посещения: 06.05.2023).
- Крылов П.В.* «Теология освобождения» и взгляды ее представителей на концепцию мировой истории // *Религия. Церковь. Общество*. – 2012. – Вып. 1. – С. 151–178.
- Кумар К.* Марксизм и утопия // *Общественные науки и современность*. – 1992. – № 3. – С. 125–135.
- Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995. – 236 с.
- Ленин В.И.* Три источника и три составных части марксизма // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Издание пятое. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 23. – С. 40–48.
- Мангейм К.* Идеология и утопия // *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 7–411.
- Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 а. – Т. 1. – С. 414–429.
- Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 б. – Т. 3. – С. 1–4.
- Маркс К.* Письмо В.И. Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961 а. – Т. 19. – С. 250–251.

- Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961 б. – Т. 23. – 907 с.
- Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 года / *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961 с. – Т. 42. – С. 41–174.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 а. – Т. 3. – С. 7–544.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 б. – Т. 4. – С. 419–459.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. II. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
- Родионова М.М., Смирнов Н.М.* Корабль Тесея: трансформации понятия насилия в политической и социальной теории // *Полития.* – 2022. – № 3 (106). – С. 6–27.
- Стюарт Дж.* Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. – М.: Ад Маргинем, 2018. – 448 с.
- Узланер Д.* Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 416 с.
- Уильямс Р.* Базис и надстройка в марксистской теории культуры // *Логос.* – 2012. – № 1 (85). – С. 136–156.
- Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
- Шумпетер Й.А.* Капитализм социализм и демократия // *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2008. – С. 361–824.
- Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961 а. – Т. 19. – С. 185–230.
- Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961 б. – Т. 20. – С. 339–626.
- Энгельс Ф.* Конраду Шмидту // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1965 а. – Т. 37. – С. 369–372.
- Энгельс Ф.* Йозефу Блоху // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1965 б. – Т. 37. – С. 393–397.
- Энгельс Ф.В.* Боргиусу // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1966. – Т. 39. – С. 174–177.